

Муртузалиев С.И.

ИНТЕГРАЦИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РОССИЙСКУЮ
СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ

Проблемы образования всегда занимали ключевые позиции в процессе формирования общества. Развитие цивилизованного общества во все времена определялось состоянием образования и воспитания подрастающего поколения. При всех социальных переменах они имели непреходящую ценность.

В последние годы на всех уровнях российского общества активно обсуждается вопрос о перспективах и направлениях развития светского и религиозного образования, а также идеологическом стержне (эта проблема поднята только недавно), без которого не могут существовать ни система образования, ни общество в целом. Система образования должна либо обслуживать базовую общественную идеологию, либо (в нашем случае – в современной России) помогать обществу в ее формировании. В необходимости рассмотрения данной проблемы убеждает заметное усиление давления Русской Православной Церкви (РПЦ) – шаг за шагом, от одного одобрительного приказа Министерства образования (МО) до другого и т.д. – по внедрению богословия в систему образования, а так же возрастание претензий духовенства на роль главного идеолога РФ.

Как и всякая другая, образовательная идеология предполагает определенные рамки и границы дозволенного. Вся история образования свидетельствует о том, что временами «эти рамки ужесточались или смягчались. Они были религиозными (табу), морально-нравственными (закон) или рациональными (договор), но совсем обойтись без них не смело ни одно общество. Сегодняшние правительственные призывы к «диктатуре закона» по существу отражают массовые общественные потребности в определенной и ограниченной идеологии» /1,с.10/. Поскольку в настоящее время отсутствует общероссийская национальная идея, то на занятие этой «ниши» претендует, пользуясь моментом, православная церковь. Как признает Евгений, архиепископ Верейский: «...сегодня существует государственный заказ на более активное влияние церковной интеллигенции, мирян под руководством священников на государственную образовательную систему: педагогов, детей, содержание образования и воспитания» /2,с.12/.

Официально декларируемый РПЦ отказ от вмешательства в систему светского образования отнюдь не означает фактического ее устранения от возможности реального и активного участия в политической жизни РФ. Преследуя эту цель 26 декабря 2000 г. Союз православных граждан (СПГ – председатель Валентин Лебедев), являвшийся одной из самых известных православно-патриотических организаций России, был преобразован в общественное движение, призванное «объединить всех активных церковных людей, способствовать развитию православных инициатив от местного до общегосударственного уровня» /3,с.4/.

Согласно одному из программных тезисов СПГ, с которыми он планирует войти в российский парламент, в политическую жизнь, государство должно оставаться светским, свобода слова и равенство граждан, независимо от отношения к религии, сохраняются как конституционные принципы. Но, выражая интересы РПЦ (об этом см. ниже), СПГ настаивает на необходимости законодательно закрепить преподавание «Основ православного вероучения» во всех государственных учебных заведениях от школ до университетов. При этом, правда, СПГ оговаривает, что «каждому должно быть гарантировано право выбора – использовать или не использовать данное преподавание»/2,с.10/. Принимая во внимание присущую для российских чиновников от образования обязательность исполнения правительственных циркуляров на местах, трудно поверить, что в случае узаконения «Основ...» у учебных заведений будет реальное «право выбора».

К сказанному следует добавить, что в последнее время на повестку дня и РПЦ и МО поставили вопрос о введении в российских государственных вузах новой дисциплины «Теологии», предпринимаются конкретные шаги в направлении практического воплощения этой якобы «ве-

ликой и спасительной» для российского образования и воспитания инициативы. Причем сторонники этой идеи утверждают, что преподавание богословия в вузах РФ находит все большее понимание и поддержку общества, что не соответствует действительному положению вещей.

Суть вопроса состоит в том, что в августе 1999 г. между РПЦ и МО подписан договор о совместной деятельности, создан и организационный механизм реализации договора – Координационный совет при МО России. Инструктивным письмом В.М. Филиппова разрешено религиозное обучение детей в государственных школах, готовятся решения о введении в светских образовательных учреждениях нового предмета – основ православной культуры, разрабатывается совместная программа духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения.

17 февраля 2000 г. на заседании Межведомственного совета специальность «Теология» была внесена в Перечень направлений и специальностей высшего профессионального образования. Продолжая начатое дело, ректорское совещание духовных учебных заведений (21-24 июня 2000 г.) «обозначило как дело первостепенной важности организацию сотрудничества духовных школ Русской Православной Церкви с государственными высшими школами, в том числе и с целью создания в последних теологических факультетов или отделений»/2,с.10/. Подобные действия, на наш взгляд, можно охарактеризовать как мирную экспансию духовенства в систему светского образования РФ.

На IX Рождественских образовательных чтениях (впервые состоялись в 1993 г.), прошедших 21-26 января 2001 г. в Москве, работа основной секции была посвящена религиозному образованию и воспитанию. В докладе Святейшего Патриарха Алексия II духовное образование и воспитание были отнесены к первоочередным задачам современной церковной жизни /2,с.6/. Эту же линию проводили другие докладчики-богословы и их сторонники, в очередной раз убедившие светскую государственную элиту РФ в «спасительности оцерковления» и в том, что только через православие возможен возврат к историческим духовным корням и ценностям. Идея не нова так как еще ранее игумен Иоанн (Экономцев) заявлял, что «общий кризис системы образования сегодня связан...(оказывается! – С.М.) с губительной изоляцией ее от Православия»/5,с.91/.

В условиях отказа от господствовавшей в СССР идеологии, распада прежней системы ценностей, участвовавшие в Чтениях министры РФ по образованию (В.Филиппов), культуре (М.Швыдкой) и юстиции (Ю.Чайка), только недавно «вспомнившие» о необходимости повседневной и целенаправленной воспитательно-разъяснительной работы, ухватились за религию как за спасительную соломинку, в очередной раз подтвердив свою готовность передать в ведение церкви сферу образования и духовно-нравственного просвещения граждан /6,с.6/.

При соответствующей координации работы между светскими и духовными ветвями власти подобное сотрудничество можно только приветствовать. Однако отвоёвав плацдарм, РПЦ от умиротворяющих речей, все чаще стала переходить к решительному протесту против «попытки ввести некую монополию атеистических взглядов в системе образования» /6,с.6/ и все настойчивее выражает «недоумение» (митрополит Кирилл) по поводу того, что «теология в России (преподаваемая с церковных позиций) до сих пор не попала в список специальностей, которые государство признавало бы наравне с остальными...»/6,с.6/.

Прежде чем продолжить цитату, заметим, что РПЦ часто подчеркивает отрицательность влияния европейской цивилизации на известную часть российского общества: Запад провоцирует взрыв плотского начала, во главу угла ставит эгоизм, вещизм и т.д. С этим нельзя не согласиться, как и с замечанием патриарха Алексия II, что это «может разрушить коренные основы взаимопонимания между народами» /4,с.6/. В то же время российский церковный клир прекрасно осведомлен о резком падении в Западной Европе и в США роли официальных религий и о бурном росте различных сект, т.е. о том, что сегодня христианская церковь в этих регионах мира теряет свои позиции. Знает РПЦ и о росте сектантства в России, но, вероятно, надеется, что ее «минует чаша сия» – блажен кто верует, что удастся избежать участи Западной Европы и США. РПЦ, по-видимому, уповает на 70 млн. россиян, считающих себя православными, но при этом «забывает», что «значительная часть из них не была в церкви даже один раз за год» /7,с.2/

и, думаем, численность таких «пассивных» мирян будет в дальнейшем не просто возрастать, но многие из них вообще покинут лоно церкви. Согласно данным недавно изданной в Оксфорде «Всемирной христианской энциклопедии» число неверующих в начале XX в. составляло 3 млн. человек, а в конце века – 768 млн. Зная это, РПЦ, если и задумывается над этим, то вслух не говорит – не хочет рубить сук, на котором сидит.

Итак, Запад для России и для РПЦ в частности - не образец, ИХ потуги спасти церковь, привлечь молодежь, ИХ религиозный сценарий - не для нашей сцены. Однако здесь мы возвращаемся к прерванной цитате, «...как давно уже сделано в странах Европы. Как сказал председатель ОВЦС (Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата), «выходит, что мы так хотели быть похожими на Запад, а здесь опять идем по собственному, атеистическому пути»/6,с.6/.

Странная получается картина – либо чужой опыт ничему не учит ни нас, ни РПЦ, либо политическая элита не желает считаться с реалиями мирового процесса, надеясь на «особый» путь развития России?! А как тогда быть с желанием «быть похожими на Запад»? Думается, правящим структурам – светским (прежде всего) и церковным – следует основательно подумать, взвесить все «за» и «против», прежде чем ввергать Россию в водоворот нового эксперимента.

Рассмотрим некоторые аспекты возможной перспективы теологизации на региональном уровне, а именно, в самом южном субъекте и “горячей точке” РФ – Республике Дагестан (РД), образовательная парадигма которой должна учитывать, как *min*, во-первых, все основные компоненты единого образовательного пространства, а, во-вторых, – все аспекты ее этноконфессиональной и геополитической специфики.

Это тем более важно, что Дагестан в определенной степени отражает мировое сообщество в миниатюре. На сравнительно небольшой территории (50,3 кв. км) живут представители более 100 национальностей и этносов, в их числе носители 32 коренных языков, из которых 14 имеют свою письменность и еще 18 – разговорные языки, свои специфические элементы культуры, уклада жизни и т.д.

Дагестан – самая “молодая” республика России. В 1998 г. численность населения моложе 30 лет составляла 1291 тыс. человек, т. е. 62% от общего числа населения. По количеству студенческой молодежи РД также занимает одно из первых мест в России. В Дагестане функционирует 59 высших и средних специальных учебных заведений, в которых “учатся 86086 человек. Только в 29 вузах учатся 67003 человека, из них в государственных вузах – 54575 человек”/8,с.50/.

Обратившись к конфессиональной палитре Дагестана, мы увидим, что на его территории действуют 10 православных церквей, 4 синагоги, 4 общины евангельских христиан-баптистов, 3 - адвентистов седьмого дня, 6 - свидетелей Иеговы, 4 - пятидесятников, в том числе христианская церковь “Осанна”, 1 - евангельских христиан, 1 - армянское религиозное общество, 1 - римско-католический приход (не зарегистрирован) и др.

Особенно широко представлены последователи ислама. К концу 2000 г. в республике функционировало Духовное Управление мусульман Дагестана (ДУМД), даргинский и кумыкский мусульманские казияты (национально-духовные управления мусульман – не зарегистрированы), 1585 мечетей, 203 примечетских школы (мактабы), 136 медресе, 14 исламских высших учебных заведений и 33 их филиала. Общее число действующих исламских учебных заведений составляет 386, а всего в исламских учебных заведениях обучается более 14 тысяч дагестанских юношей и девушек.

Дагестан, расположенный между Востоком и Западом, был и остается своего рода шлюзом, позволявшим на протяжении веков накапливать и соединять экономическую модернизацию и культурные традиции различных цивилизаций. Сегодня назрела необходимость создания такой системы воспитания и образования, которая позволит успешно решать проблему “диалога культур”, уважительного отношения к представителям различных этноконфессиональных и социальных групп и слоев населения.

Для нормального функционирования и развития любой системы необходима прочная нормативно-правовая база. Однако на Северном Кавказе федеральные законы об образовании практически не работают - из 58 статей Закона “Об образовании” полностью или частично выполняются только 35 (т.е. 60%). Зафиксировано также 19 устойчивых нарушений закона “О высшем и послевузовском профессиональном образовании”/9,с.3-6/.

В МО России собирались разрабатывать Программу воспитания толерантного сознания молодежи, которая, как планировалось, должна иметь межконфессиональный (но никак не богословский!) характер. Она призвана сформировать новые социальные навыки населения, уважение к собственному государству, населяющим его народам и его законам. Принятие такой программы будет иметь большое значение, так как в духовно-нравственном плане скачок от общества с советским или постсоветским менталитетом к обществу, живущему теперь по другим ценностям, невозможен.

Перед вузами стоит задача не только подготовить профессионала, специалиста своего дела, но и воспитать образованную личность, интеллигента, который будет востребован постиндустриальным обществом. Для решения этой задачи необходимо найти определенное соотношение между преподаваемой суммой знаний и формируемой системой ценностей, с освоением нового уровня межличностной коммуникации и т.д.

Система образования в РФ за последнее десятилетие испытала сильное влияние либерально-демократической идеологии в ее крайних формах, которое отрицательно сказалось на характере воспитательной работы. Объясняется это тем, что с появлением на карте мира “новой” России, прежняя система “коммунистического” воспитания перестала отвечать новому социальному заказу. Систему воспитания следовало привести в соответствие с реалиями дня сегодняшнего. Однако реформаторы далеко не сразу пришли к пониманию необходимости такой целенаправленной работы. Более того, они провозгласили, что рыночная экономика сама воспитает новое поколение россиян (воспитала! – теперь надо перевоспитывать), метались между декларативными лозунгами типа “общечеловеческие ценности” и “красота спасет мир”, которые сами по себе не спасают. Свою ошибку они осознали только в 1999 г. и, как признал министр образования В.Филиппов: “Есть проблема, к которой в течение последнего десятилетия мы почему-то “не подходили”, умалчивали о ней. Сейчас поняли, надо опять заниматься воспитанием”/10,с.6/. Разумеется, надо, однако общероссийская программа обязательно должна учитывать региональную специфику, а для этого необходимо обратить особое внимание на следующие аспекты.

Гуманитарному образованию принадлежит уникальная роль в сохранении и приумножении культурных богатств. Дагестан исконно был связан с древнейшими цивилизациями мира. В значительной степени это связано с его многовековым геополитическим положением и спецификой ландшафта. Достаточно взглянуть на физическую карту Дагестана, чтобы понять это и убедиться в том, что через его равнинную часть – Дербентское дефиле – столетиями с Востока на Запад и в обратном направлении проходили представители самых разных этносов. Сегодня это основательно затрудняет изучение процесса этногенеза населяющих Дагестан народов.

Горы веками защищали население нашей республики от истребления и ассимиляции, но в то же время, предопределили своеобразие традиций и культур дагестанских народов, многоязычие, демографическую специфику горной и низменной территорий и т.д. В социально-экономическом отношении сегодня это привело к условному делению Дагестана на «Старый» – моноэтнический (горные и предгорные районы) и «Новый» – многонациональный Дагестан (приморские и равнинные зоны), в котором стихийно формируется надэтническая, общedaгестанская идентичность.

Подобные факторы, казалось бы, должны были привести к разобщенности, обособлению, но, как свидетельствуют события давно минувших дней, так и события мая 1998 г. и августа-сентября 1999 г., в периоды испытаний дагестанские народы проявляли поразительное единение в борьбе с общим недругом. Многовековой системе воспитания и образования дагестанской молодежи также присущи общегуманистические идеи, которые необходимо развивать и сего-

дня. Во-вторых, воспитательно-образовательная политика республики обязательно должна учитывать социально-экономическую специфику и менталитета «Старого» и «Нового» Дагестана.

Некоторые исследователи склонны видеть причины феномена единения в навязывании народам Дагестана сначала ислама, а в XIX в. «новую объединяющую парадигму развития предложила (или навязала) ... Россия». Российская, а потом и советская власть принесли с собой новую схему развития народам «страны гор», в основе которой «лежало создание многонационального Дагестана, а в перспективе – и национальной этнической общности «дагестанцы»/11,с.10/.

Выпячивание исламского фактора, на наш взгляд, во-первых, не совсем верно, т.к. еще с IV в. н.э. христианские миссионеры из Закавказья неоднократно пытались объединить население «страны гор», а в отдельных аулах Дагестана христианство сохраняло свои позиции до XIV – XV вв.

Во-вторых, забыт, например, иудаизм в Хазарском каганате, в котором, насколько можно судить, была предпринята уникальная для средних веков попытка создания координационного совета из представителей различных конфессий.

В-третьих, интегрирующий момент исламской конфессии оказался недостаточным для преодоления процессов этнического обособления – более того, единая в советское время организация мусульман региона (ДУМСК) распалась сначала на национальные муфтияты и казияты, а затем процесс этот продолжился в Дагестане, породив особые мусульманские организации у лезгин, ногайцев (к тому же ханифитского мазхаба!) и у кумыков.

В-четвертых, не сохранила единства даже ортодоксальная суннитская идеология – в регионе произошло обособление «тарикатистов» и так называемых «ваххабитов» (салафитов).

В-пятых, события последних лет и в РФ и в РД отчетливо показали, что идея «спасительной» религии как новой идеологии для постсоветского пространства не только себя не оправдала, но и не могла справиться с возложенными на нее задачами и ожиданиями. Для православия – в качестве «объединяющей силы» – в Дагестане нет ни условий, ни возможностей. Ислам – особенно с учетом различий в его интерпретации – также вряд ли способен стать консолидирующим фактором. Напротив, он по-прежнему остается инструментом политического противостояния в среде самих мусульман и не в состоянии сплотить ни народы Северного Кавказа, ни России вообще.

Преувеличенные представления некоторых политиков, публицистов и духовенства о размерах интегрирующего и организующего потенциала религии в одних случаях свидетельствуют о недостаточном знании реалий, а в других – рассчитаны на повышение собственной значимости в глазах некоторых влиятельных сил/12,с.231/. Как заметил О. Недумов: «...перед руководством страны сейчас и так стоит слишком много проблем, и у него просто нет возможности брать под серьезный контроль религиозную ситуацию в России. Священноначалие РПЦ выбрало наиболее удачное время для осуществления своих инициатив»/13,с.1/. Именно в этом, на наш взгляд, кроется часть корней «государственного заказа» (см. выше).

Таким образом, просчеты светских органов власти заключались в том, что «отпущенным на волю» конфессиям сперва было не до богословских диспутов – каждая из них торопилась нарастить «мясо на костях» - взять все, что не запрещено.

Этим разгулом свободы тут же воспользовались разные религиозные деятели, общества и секты: «Осанна», так называемые «ваххабиты», сайентологи и многие другие, которые, получая хорошую финансовую подпитку из-за рубежа, повели целенаправленную работу среди «идеологических беспризорников» (результат официального отказа новой России от прежней идеологии) на территории бывшего Советского Союза, особое внимание уделяя молодежи.

Когда «остепенившиеся» и «ставшие на ноги» российские руководители православия, ислама и других конфессий огляделись по сторонам («глянули окрест»), они обнаружили, что «их законные ниши» уже заняты другими душеприказчиками, а посему повели борьбу не только с ними, но и между собой и внутри своих конфессий. Надежды правящих элит на мирное сосуществование конфессий, на успехи экуменического движения не оправдались.

Попытки экуменического диалога между Римско-Католической Церковью и Православными Церквями завершились тем, что 9 июня 2000 г. папа Иоанн Павел II одобрил текст «Ноты о выражении «Церкви-сестры», в которой утверждается, что католическая церковь является «матерью и наставницей», а не сестрой всех остальных поместных церквей /14,с.4/. В августе и сентябре 2000 г. католическая церковь, обеспокоенная опасностью размывания в сознании верующей молодежи четких границ католического самосознания, запретила «именовать другие христианские Церкви «братскими» и приняла декларацию, суть которой сводится к тезису, что «вне Римско-Католической Церкви нет спасения» /15,с.1/.

Представители других христианских церквей и конфессий, разумеется, немедленно отреагировали, выразив свое несогласие с Ватиканом. Несмотря на 30-летний терпеливый диалог, мировое сообщество оказалось не готовым вступить на путь единения и искреннего диалога между разными конфессиями и Церквями. Более того, борьбу за умы и души подрастающего поколения каждая конфессия вела, ведет и будет вести. Как заявил глава Центрального духовного управления мусульман России муфтий Талгат Таджуддин, нельзя допустить воздействия «различных иностранных религиозных (исламских, христианских и др.) центров на нашу духовную жизнь»/16,с.4/.

В докладе на юбилейном Архиерейском Соборе РПЦ (Москва, 13-16 августа 2000 г.) отмечалось, что с 1 декабря 1999 г. с благословения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в РФ началась деятельность Восточно-европейского отделения Синдесмоса (Всемирное Братство Православной молодежи, создано в 1953 г. в Париже) с целью «использовать возможности этой международной организации, имеющей почти полувековой опыт работы с молодежью в секуляризованном западном обществе, идеалы которого активно внедряются и в сознание молодых людей в современной России». Председатель Учебного комитета при Священном Синоде Евгений, архиепископ Верейский прямо говорит о необходимости решительной борьбы «за спасение России от лжедуховного иноземного ее порабощения»/2,с.13-14/. Отсюда и стремление и дополнительный стимул для духовенства включиться в учебно-воспитательный процесс государственных светских школ и вузов.

Подтверждением сказанного может служить выступление игумена Иоанна (Экономцева) (Отдел религиозного образования и катехизации Московского Патриархата, Российский православный университет св. Иоанна Богослова), считающего, что «Общий кризис системы образования сегодня связан... (оказывается! – С.М.) с губительной изоляцией ее от Православия. ... В творениях святых отцов мы находим и программу, и критерий образования и воспитания»/5,с.91-92/. С последним утверждением нельзя не согласиться, НО речь-то идет о религиозном и, прежде всего, православном воспитании и образовании! А как тогда быть с представителями иных конфессий, т.е. с инаковерующими, среди которых, между прочим, немало и русских?

И как быть с Исламом (образовательно-воспитательными предписаниями Корана и Шариата), с мусульманами, которых уже сейчас в России около 22 млн. человек и, по подсчетам демографов, к 2100 г. численность мусульман может удвоиться и составить 18-20% населения РФ?! /17,с.1; 18,с.1/. Тогда придется говорить уже о кризисе системы образования из-за губительной изоляции ее от Ислама?!

Считаем, что правильнее будет оставить «Богу – богово, а кесарю – кесарево» и перестать лукавить, утверждая, что «стандарт по теологии составлен так, что конфессиональный «блок» дисциплин разрабатывается для каждой из конфессий в соответствии с ее вероучением»/19,с.6/.

Звучит успокаивающе – вроде бы «всем сестрам по серьгам», однако порождает новые вопросы. Например: 1) Сторонники богословия «забыли» (?), что в буддизме теология отсутствует, а у марийцев традиционная культура связана с язычеством – означает ли это, что в марийских вузах следует преподавать поклонение березовым рощам?; 2) Принимая во внимание ситуацию на Северном Кавказе, можно с уверенностью сказать, что в ближайшие годы такое совместное обучение неизбежно приведет к межконфессиональным столкновениям, поскольку

молодым людям свойственно впадать в крайность. А когда дело касается конфессионально-национальных вопросов, даже многие взрослые люди подвержены максимализму.

Перечень возникающих вопросов может быть продолжен и будет возрастать, если открытие теологических факультетов станет реальностью. Так не лучше ли во-время остановиться, и не выдавать желаемое за действительное, заявляя, что «доля верующих (в той или иной степени) среди школьников составляет примерно 47,5%, а почти половина взрослого населения (45,2%) поддерживает идею введения религиозного образования в школе»/5,с.91/. Приводя указанные цифры, игумен Иоанн (Экономцев) почему-то не учитывает, например, мнение выпускников Сахалинского Института педагогики, которые положительно относятся к общечеловеческим ценностям (христианским заповедям), но, в то же время, высказываются против переноса религиозного воспитания в школу/20,с.253/.

Уважаемый автор явно не знаком и с ситуацией в Дагестане – или он не причисляет его к России? Результаты проведенного нами в 1999 - 2000 гг. анкетирования среди старшеклассников и студентов вузов РД говорят о том, что почти 68,5% респондентов считают себя верующими («в той или иной степени»), но основные обязанности верующего соблюдают только 18-21%, остальные являются «верующими по традиции», так как их родители и близкие родственники являются (или считают себя) верующими – не случайно уровень религиозности среди сельской молодежи Дагестана на 20-25% выше, нежели среди городской молодежи. В значительной степени это объясняется тем, что в сельской местности семейные и тухумные связи крепче, чем в городах.

Большинство дагестанских респондентов – 63,3% отдает предпочтение светскому образованию, 15,1% лучшим считает религиозно-светское и только 4,3% студентов считает лучшим «чисто» религиозное образование. На вопрос: «В каком типе учебного учреждения студенты хотели бы учиться?» - ответы распределились следующим образом: в светском – 81,3%, в религиозном – те же 4,3%.

Приведенные цифры убеждают в том, что властным структурам РФ и самой РПЦ следует еще и еще раз подумать, взвесить все «за» и «против», прежде чем проталкивать дальше идею «необходимости» теологизации системы светского образования.

Основанием для такого мнения служит и то, что, декларируя правомочность существования кафедр религиоведения, с которыми духовенство готово сотрудничать, игумен Иоанн заявляет, что этим кафедрам, «где неизвестно что будут преподавать студентам», он «предпочел бы исламский колледж»/21,с.10/. Странное предпочтение. Получается, что игумен выбирает «меньшее из зол», т.е. если не православие, то лучше ислам? Лучше потому, что не дай Бог, если на кафедрах религиоведения студентов будут учить с позиций атеизма/21,с.9/. А «если верующему человеку будут преподносить все предметы с позиций отрицания существования Бога, это нарушение прав личности». По мнению Иоанна (Экономцева): «Это...не совместимо с нормами демократии, с нормами цивилизованного общества»/21,с.9/.

Навязывая студентам теологию, РПЦ в лице игумена, во-первых, нарушает Конституцию РФ (ст. 14), Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ст. 4,19) и вступает в противоречие с Национальной доктриной образования. Во-вторых, лишает студентов возможности получить знания, причем не урезанные – узкоконфессиональные (препарированные православием), а обо всех основных религиях и сектах, На наш взгляд, это как раз и является нарушением норм цивилизованного общества! В третьих, судя по заявлениям РПЦ, ее не устраивает преподавание в школах и вузах религиозно ориентированных дисциплин «в качестве неосуществимого в широком масштабе факультатива (понимаемого как занятия, проводимые в свободное от обязательной нагрузки время)». Духовенство, справедливо опасаясь массового недобора «желающих», настаивает на «принудилровке», которую церковь прикрывает фразой справедливого включения в сетку часов «обязательных предметов по принципу равноправной альтернативы» /21,с.57/.

Подобная настойчивость, вероятно, насторожила руководство МГУ, которое вместо планируемого введения теологии решило открыть кафедру церковной истории, отправив истинно желающих изучать теологию в Свято-Тихоновский богословский институт/22,с.18/.

Принимая во внимание важность рассматриваемой проблемы, думаем, уместно будет дать краткое изложение основных возражений против интеграции богословия в светскую систему образования и воспитания. Но прежде заметим, что участники «круглого стола» (состоялся в Российской академии госслужбы при Президенте РФ в феврале 2000 г.) не ставили вопрос о том, имеет ли богословие право на существование, однозначно признавая, что имеет.

Участники «круглого стола» (светские и духовенство) указывали на то, что проблема введения теологии в государственную систему образования имеет множество аспектов: правовой, политический, мировоззренческий, нравственный и др./21,с.4-53/. Они справедливо отмечали, что: 1) РПЦ претендует на обладание истиной в последней инстанции; 2) Данный принципиально важный вопрос, затрагивающий интересы всего общества, некорректное рассмотрение которого чревато серьезными правовыми и политическими коллизиями, почему-то решается приватно-кабинетным способом, а не обсуждается всем обществом; 3) Московская патриархия рассчитывает за счет средств государственного бюджета, т.е. налогоплательщиков, среди которых добрую половину составляют отнюдь не члены ее паствы (почти 85% населения РФ абсолютно индифферентны: они и не атеисты и не воцерковлены), решать свои кадровые проблемы; 4) С утверждением Госстандарта по теологии РПЦ получило односторонние преимущества перед другими конфессиями, хотя РПЦ и утверждает, что всячески будет приветствовать, если подобные стандарты будут разработаны для мусульман, буддистов (о несуразнице с буддистами и язычниками см. выше) и т.д.; 5) Как быть с ситуацией, когда ректор вуза, исходя из собственных конфессиональных предпочтений, сочтет нужным открыть отделение православной теологии, но не захочет открыть отделение теологии исламской или наоборот? 6) Теология всегда моноконфессиональна, а потому носит не только апологетический характер, но и критична в отношении других вероисповеданий. Для государственного служащего, светского общественного деятеля, которому приходится общаться с последователями разных религий, разных культурных традиций, узкоконфессиональная позиция и знания совершенно неприемлемы; 7) Как будут себя чувствовать студенты – выходцы из семей мусульман, буддистов, протестантов и т.д., если им будут читать курс православной теологии? Не закладывается ли здесь «мина замедленного действия» под образовательную систему, «мина», разжигающая межнациональные и межконфессиональные конфликты? 9) Ссылки представителей РПЦ на то, что богословские факультеты в западных университетах успешно решают какие-то проблемы не состоятельны. Российское духовенство, «почему-то» (?), замалчивает тот факт, что эти факультеты не стали препятствием ни для массового распространения неверия (и/или атеизма), ни безнравственности в Европе; 10) В российских университетах никогда не было богословских факультетов и РПЦ впервые пытается вживить в организм высшей школы чуждый ему орган (медики знают, что подобные операции чреваты летальным исходом). В этой связи стоит напомнить о том, что, размышляя о религиозной школе XIX в., будущий патриарх Алексий (Симанский) писал о тягчайшем упадке духовного образования. Причину этого он видел в том, что государство вводит обязательное религиозное образование везде и во всем. В письме митрополиту Арсению (Стадницкому) он пишет, что надо упразднить эту обязательность. Пусть богословы и будущие священники учатся в специальных духовных школах, а общеобразовательная школа должна быть вне религии /21,с.36/. Считаем, что РПЦ и прежде всего МО РФ стоит прислушаться к мнению Алексия и помнить о том, что начиная с конца XIX в., общий крик души российского общества был: даешь светскую школу; 11) Замысел РПЦ понятен. Поскольку, по ее мнению, гуманитарные науки в РФ заражены «вирусом» атеизма – этот «вирус» нужно вычистить, а для этого необходимо введение религиозно ориентированных предметов и пересмотр всех учебных программ и учебных пособий под определенным (богословским) углом зрения. Но как тогда быть с плюрализмом концепций и мнений ? 12) Насильственное навязывание религии, в том числе теологии, в качестве обязательного, чуть ли не первостепенного элемента образовательной сис-

темы, добавит к конфронтации между нациями и религиями конфронтацию между группами молодежи – церковной и атеистической - это вряд ли будет способствовать единству общества, поскольку вызовет вызревание еще одного конфликта – межмировоззренческого; 13) В такой многонациональной и многоконфессиональной стране как Россия вероисповедная политика может быть эффективной только при условии, если она будет строиться на двух принципах: светский характер государства и правовое равенство верующих и религиозных организаций.

Полностью солидаризуясь с мнением Н.А. Трофимчука, считаем, что «навязывание обществу религии, в том числе религиозного образования и воспитания в государственной школе, провоцирует протестные настроения среди секулярно ориентированной части общества, составляющей по данным социологических опросов от 40 до 50% населения, способно обострить мировоззренческую и религиозную нетерпимость... Не учитывать религиозную карту России, а тем более не видеть... сложных взаимоотношений между конфессиями, значит совершать ошибку»/23,с.1,6/, способствовать дальнейшему усилению центробежных тенденций.

В обоснованности данных опасений убеждают и доводы В.Бажанова и В.Учайкина: «Утверждая приоритет православной традиции в нашей стране и признавая (как же иначе?) широкое распространение ислама, сторонники теологии не хотят (или не могут?) додумать дальше. А дальше – неизбежность соревнования, соперничества этих двух религий на образовательном, то есть на государственно-идеологическом поле»/24,с.4/.

Иными словами, подключение духовенства (и не только православного) к учебно-воспитательному процессу в светских государственных школах и вузах совершенно недопустимо, какими бы общечеловеческими ценностями, гуманными целями и словесами духовенство не прикрывалось.

На фоне явной активности РПЦ почти не слышно, пока, голосов других конфессий. То ли они еще не определились в необходимости внедрения в систему образования, то ли выжидают, чем закончатся атаки РПЦ на МО? Но, можно не сомневаться в том, что в случае успеха православного авангарда, лидеры других религий тут же устремятся в пробитую брешь, дабы развить наступление и закрепить победу богословия над светским образованием и воспитанием, а заодно усилить свое влияние на процесс формирования общегосударственной идеологии.

Введение теологии в систему образования преследует интересы не самого образования, а сиюминутные интересы идеологического и политического плана, что недопустимо. Россия уже имела опыт «православно-ориентированной» государственной идеологии – «Православие, самодержавие, народность» – который не спас Россию, так стоит ли повторять собственные ошибки? «Ответ на вызов РПЦ» следует искать в сфере совершенствования **раздельных** систем светского и богословского образования. Религиозное образование должно развиваться в профессиональных негосударственных учебных заведениях.

1. Ермаков А. Имитировать или обучать?//Учительская газета. 2001.6 февраля.
2. Евгений, архиепископ Верейский. О состоянии и перспективах духовного образования//Alma mater. 2000. № 9.
3. Недумов О. Верующие включаются в политическую жизнь//НГ-религии. 2001.31 января.
4. Войтовский Д. Церковь и светское общество на рубеже эпох//НГ-религии. 2001. 31 января.
5. Игумен Иоанн (Экономцев). Православный университет и традиции российского образования//Известия Российской академии образования. 2000. № 1.
6. Константинов Н. Что волнует верующих и власть//НГ-религии. 2001.31 января.
7. Тульский М., Недумов О. Вести//НГ-религии. 2001. 31 января.
8. Проблемы студенческой молодежи//Народы Дагестана. Этнос и политика. Махачкала, 2000. № 4.
9. Проблемы законодательного регулирования процесса сохранения единого образовательного пространства в России (на примере Северо-Кавказского региона) //Alma mater. 1999. № 6.
10. Система образования – для укрепления интеллектуального и духовного потенциала России//Alma mater. 2000. № 1.

- 11.Исрапилов С. Идея дагестанского единства//Молодежь Дагестана. 2000. 8 сентября.
- 12.Малашенко А. Рец. на кн.: Чечня и Россия: Общества и государства//Pro et Contra. Т.5. № 1. Центр и регионы России. М., Зима, 2000.
- 13.Недумов О. Право выбора//НГ-религии. 2000. 29 ноября.
- 14.Церкви больше не сестры//НГ-религии. 2000. 15 ноября.
- 15.Филиппов Б. Конец эпохи экуменизма//НГ-религии. 2000. 27 сентября.
- 16.Шевченко М. О важности борьбы с экстремизмом//НГ-религии.2000.29 ноября.
- 17.Тульский М. Прогноз демографов//НГ-религии. 2000. 27 сентября.
- 18.Лаврухин А., Шевченко М. «Рефах» не нарушил «Единства»//НГ-религии. 2000. 15 ноября.
- 19.Карпов С. Теология в светских вузах//НГ-религии. 2000. 29 ноября.
- 20.Межиева М.В. Исследование ценностных ориентаций, определяющих содержание воспитания//Социальная психология: Практика. Теория. Эксперимент. Практика. Т.2/Под ред. В.В. Козлова. Ярославль, 2000.
- 21.Выступления за «круглым столом»//Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитич. бюллетень. № 2 (23). М., 2000.
22. Руденко С. Теология по выбору//Учительская газета. 2001.13 февраля.
- 23.Трофимчук Н.А. «Вирус» атеизма//НГ-религии. 2000. 29 ноября.
- 24.Бажанов В., Учайкин В. Где Бог, а где порог?// Поиск. 2001. 2 марта.